

Все знают такие строчки: «Прошла зима, настало лето. Спасибо партии за это!». Но мало кому известен их автор — поэт Юрий Влодов. Его обошла в свое время массовая известность, которая выпала на долю его сверстников — поэтов-шестидесятников: Евтушенко, Вознесенского, Рождественского...

Но, может, это и к лучшему: без помех, в «тиши» вокзалов и подъездов, во мраке советского андеграунда выросла и окрепла его поэзия.

— Юрий Александрович, у вас очень богатая и творческая, и жизненная биография. Хотелось бы не погрязнуть в этом биографическом сумбуре и в то же время не упустить моментов действительно важных.

— Начну с того, что я родом из театральной семьи: мать — актриса Надежда Надеждина, отец — режиссер Александр Захарович Влодов. Фамилия моя — Влодов — редкая, потому что придуманная, родилась она из театрального псевдонима, а настоящая фамилия моего отца — Левицкий. Он был племянником знаменитого одесского гангстера 20-х годов прошлого века Мишки Япончика, с которого Бабель написал своего Беню Крика. После того как советская власть расправилась с Мишкой Япончиком, моему отцу не хотелось носить такую одиозную фамилию, и он решил от греха поменять ее на псевдоним. Шел как-то по улице, видит: висит афиша, возвещающая о гастролях югославско-

ворений и решил показать их нашим стихотворным мэтрам. Для этого я поехал в писательский поселок Переделкино, где находилась дача Ильи Львовича Сельвинского, вот к нему я сначала и заглянул. Он меня принял, я ему прочитал свои стихи.

— Ну и как?

— Мы подружились, и долгое время я навещал его. Впоследствии он написал предисловие для моей стихотворной подборки в журнале «Смена».

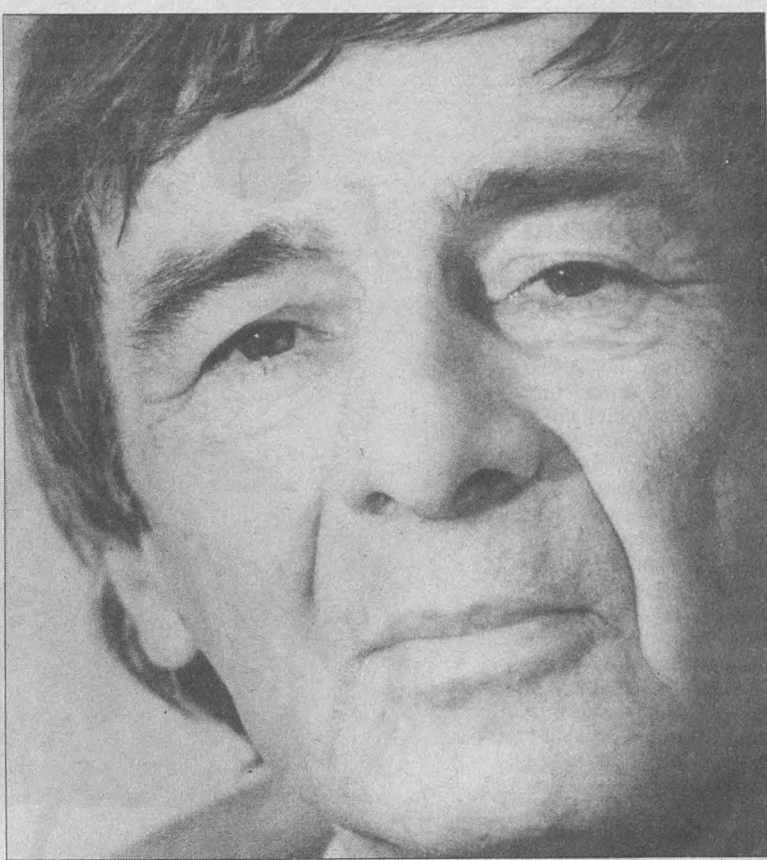
— Я слышала, вам и Пастернак писал предисловие?

— Да, писал. С его напутствием вышла моя подборка в «Литгазете».

Я со многими тогда общался: с Заболоцким, Чуковским, Твардовским, Шипачевым.

— А с Чуковским что вас связывало, ведь он же детский поэт?

— Корней Иванович был настоящим живым гением, и неважно, детский он поэт или еще какой. Поэтому

Он поблагодарил партию за смену времен года

го певца Славко Влодыча. Ну он фамилию Влодыч переделал на русский лад — получилось Влодов. Вот такая у меня «русская» фамилия.

— Когда вы начали писать?

— С шести лет я увлекся этим делом. Родители по вечерам уходили на спектакли, я оставался один. И чтобы не было страшно, сначала записывал стихи, классики: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, а потом стал и писать. Писал, подражая поэмам Пушкина и Лермонтова, свои огромные поэмы. Получалось очень даже похоже. Как-то в годы молодости показал одну из детских поэм Корнею Ивановичу Чуковскому и сказал, что это из только что найденных творений Пушкина. Так он заволновался страшно. Потом я ему, конечно, сказал правду.

А дальше моя творческая и жизненная направляющие дали большой крен. Меня занесло в уголовщину, я с головой погрузился в воровские дела и о писанине почти забыл. Помотало меня, понесило по городам и весям, по этапам, по пересылкам, тюрьмам и лагерям. Было, честно говоря, не до литературы. Единственным проявлением моей творческой природы было то, что я в этот период написал некоторое количество блатных песен. Песни получились ничего, и их с удовольствием пели люди в тюрьмах и лагерях, и я, признаюсь, с удовольствием их слушал.

— Каким образом вам удалось вырваться из уголовщины и вернуться в литературу? Ведь оттуда вернуться очень сложно, если вообще возможно.

— Ну как? Вот так и удалось. Надоела мне вся эта пята-меля воровская. Меня поманила в свое время воровская романтика, а потом она потускнела, и мне стало неинтересно, я ведь человек увлекающийся. Я увидел настоящего, звериный лик воровского мира: он был слишком жесток и слишком примитивен одновременно. Меня потянуло в более интересные места.

Когда мне уже было лет 25—28, я написал какое-то количество стихот-

мне было очень интересно с ним. Он знал, что он гений, но его это не особо радовало, ему все порядком надоело.

— А что он говорил о вас?

— Он говорил мне тогда, что мое творчество на уровне Ахматовой, Пастернака. Но нам всем много чего не хватает. Я спросил его: чего не хватает мне? Он ответил: темы, своей темы. У каждого большого поэта должна быть

раз на годы войны. Есть еще лирика, бытовые новеллы, шутки, эпиграммы.

— А издано что?

— Издана всего лишь одна книжка под названием «Крест». Это было в 1996 году. Небольшая такая книжка на деньги спонсора.

— Я слышала, что у вас очень много стихов потерялось, а еще больше роздано так называемым литера-

стихи не оставил. Некоторых моих клиентов печатала «Правда».

— За что вас так невзлюбила советская власть?

— Ничего особенного я ей не сделал, просто существовал, но, наверное, существовал без особого на то распоряжения, поэтому и стал неугоден. На все в те годы требовалось разрешение. Хочешь дышать? Пожалуй-ста, но только позволения спроси сначала, а то воздуха может на всех не хватить. Шучу, конечно. Ну а если серьезно, то доставил я им тогда много головной боли, я ведь писал и диссидентские, мало что писал, еще и выступал с ними очень активно в больших залах. Правда, особо долго мне выступать не пришлось, доложили куда следует, и мне потихоньку перекрыли кислород. Так же и с публикациями произошло, и со вступлением в Союз писателей. Мой путь был, таким образом, определен: в подполье, во тьму. Дождаться своего часа, сидя в могиле при свече.

— А что перестройка? Ведь вы могли бы выйти из подполья...

— Сил уже не осталось. Очень меня жизнь поломала. Сейчас вот только лежу и смотрю телевизор, да записываю приходящие стишата, да по телефону болтаю с парой-тройкой своих знакомых. А готовить рукописи для печати, где-то что-то пробивать, у кого-то чего-то добиваться — это не для меня.

После моей смерти разберутся, как-нибудь издадут. Достаточно того, что я все это написал.

А однажды Влодов пришел на Лубянку, сказал, что написал гимн ЧК, и спел: «...На площади железного Дзержинского работает ночное ЧК». Ему ответили: «Учтите, мы и днем работаем...»

турным клиентам, то есть людям, за которых вы писали стихи...

— Да, потерян немало, ведь я почти всю свою жизнь провел в скитаниях, не было ни кола ни двора. То у одного ученика оставишь рукопись, то у другого. Потом след теряется: и ученика, и рукописи. А что до клиентов, тоже приходилось заниматься этой черной работой, а куда деваться? Жить-то на что-то надо было! Я был в черных списках — печататься не мог. Приходилось придумывать какие-то ходы, как-то изощряться в добывании хлеба насущного. Но я им писал на уровне гораздо ниже своего собственного. Все равно я себе бы эти

● Мила МИХАЙЛОВА

Юрий ВЛОДОВ

«Я думаю: Исус писал стихи»

***

Умолк вечерний птичий гам.
Вечерний птичий гам...
А Бог проходит по лугам.
Проходит по лугам...

В лугах оптический обман.
Оптический обман...
Пойми, где Бог, а где туман.
Где Бог, а где туман...

***

Я думаю: Исус писал стихи,
Плел сети из волшебной чепухи...
А жизнь Христа — была гуша поэта...
Иначе — как?! — откуда бы все это?!

В кругу слепых болезненных племен
Он, как слепец, питал себя обманом...
И не был ли Иуда графоманом,
Неузнанным Сальери тех времен?!

***

Вот еврей еврея продал.
В кошелек награду сыпал.
Летний дождь на землю выпал.
А казненный — гушу отдал.
Но пока еще казненный
Испускал глухие вздохи,
Этот самый награжденный
Мыслил так: «Дела неплохи,
Даже очень. И покуда
Живо кесарево слово,
Будет жить еврей Иуда,
Страж спокойствия земного!
И с чего нам бить тревогу?
Невредимо, слава Богу,
Наше собственное тело...
А безбожный — гушу отдал!..
И кому какое дело,
Что еврей еврея продал?!»

***

Всё — скрестилось...
И Спаситель поднял голову,
Желчным оком разжигая произвол...

Как секирой
по расплавленному олову,
По глазам первосвященников провел.

«Разве истина в кровавой человечности?!
Ха! — явились на позор,
как на парад!..
И таилось в предвечерней лунной млечности
Ухо Божье — округлый аппарат...

Покатилась иудейская история
Каплей крови по Господнему ребру...
И, похожие на пепел крематория,
Пейсы старцев трепыхались на ветру...

***

Танки шли по Руси придыхая.
Танки шли на Восток — по прямой.
И кричала дошкольница Хая:
«Мамка! Тракторы! Ой!..».

Погорела земля, что коврига
На поговом каленом листе.
И крестился пропойный расстрига:
«Иисусе Христе!..».

Круглосуточно вякали стекла.
Кралась танки в туманах Руси.
И вздыхала двужильная Фекла:
«Сын родимый, спаси!»

А сыночек — румяный лицом —
В обороне залег с ружьем.
И клубился над ним, молодым,
Трубок маршальских дуумчивый дым.